

РЕЦЕНЗИИ

Лабунец Наталья Вадимовна. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта / Ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеев. – Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. – 180 с. – ISBN 978-5-88081-684-2.

Одна из актуальных проблем, решаемых современной наукой, связана с выявлением механизма формирования, принципов организации словарного состава русского языка и восстановлением на этой основе в полном объеме словарного состава русского языка на всем протяжении его развития. Эта проблематика приобретает особую актуальность при изучении русских говоров, функционирующих в иноязычной среде в условиях межэтнических языковых контактов. В современной науке все более четко осознается значение и роль этноязыковых связей, языковых контактов, протекающих на уровне живой разговорной речи, в формировании структуры и состава лексики отдельных диалектов. В настоящей работе проблема русских говоров в иноязычном окружении исследуется на материале одной тематической группы – народной географической терминологии одного большого сибирского региона – Тюменской области, на территории которой в XVI–XVII вв. русские говоры переселенцев пришли в соприкосновение с местными обско-угорскими и тюркскими диалектами. В центре внимания автора проблема формирования системы народных географических терминов старожильческих говоров в условиях многообразных этноязыковых контактов, динамика этноязыковых процессов с начала освоения Сибири, изменения в характере взаимодействия русских говоров и коренных диалектов Сибири.

Впервые столь последовательно и всесторонне исследуется механизм формирования географической терминологии большого сибирского региона. При выборе объекта исследования учитывалась специфика данного фрагмента словаря. Народная географическая терминология является той частью словаря, в которой наиболее полно проявляются особенности языковой ситуации, эта лексика несет информацию об этнической, коммуникативной, языковой структуре ситуации взаимодействия в синхронии и диахронии. В связи с этим особое значение приобретает проблема выявления в изучаемом регионе всего многообразия этноязыковых ситуаций, определивших взаимодействие диалектов в разных этносоциальных условиях, процессы заимствования, интерференции, этноязыковой ассимиляции и т. п. Географическая терминология напрямую связана с топонимией, которая является важным и надежным источником информации о процессах, протекавших в том или ином языковом континууме.

Исследование Н. В. Лабунец идет в русле идей Уральской ономастической школы, возглавляемой чл.-корр. РАН А. К. Матвеевым. Труды А. К. Матвеева, его учеников и последователей обогатили науку новыми идеями, открыли новые аспекты в исследовании ономастики и тем самым существенно продвинули, вывели на качественно новый уровень эту область

науки. Разработанные А. К. Матвеевым методы топонимических исследований, специальные приемы выявления и этимологического анализа субстратной лексики прочно вошли в методологию науки и определили подходы к изучению этноязыкового взаимодействия. Одно из важных направлений, активно разрабатываемых уральскими учеными, ориентировано на исследование топонимов в условиях взаимодействия русского языка с языками и диалектами финно-угорской, тюркской групп, на выявление слоя субстратной топонимии Русского Севера. Высокая информативность исследуемого материала имеет особое значение при решении собственно лингвистических вопросов и вопросов историко-лингвистического, лингвоэтнического характера.

Выделение тюменского региона в качестве самостоятельной территории исследования важно во многих отношениях. В условиях длительных межэтнических контактов в формирующейся на этой территории географической терминологии закрепились практика освоения русскими переселенцами нового пространства. Этот регион, сильно удаленный на восток от метрополии, априорно относится к зонам консервации архаичных явлений, и данное обстоятельство существенно в плане изучения словарного состава русского языка. В исследовании Н. В. Лабунец на основе всестороннего анализа народной географической терминологии впервые воссоздана картина бытования географических терминов большого сибирского региона в синхронном плане и в плане исторического взаимодействия с коренными языками Сибири.

Исследование построено на материале народных географических терминов, функционирующих в русских старожильческих говорах, а также терминов, отмеченных в русской речи западносибирских татар и обских угров. Основную часть исследуемого материала составляют собственные полевые записи автора, результаты изучения речи сибирских крестьян-старожилов, проживающих в 200 сельских населенных пунктах 22 районов Тюменской области, а также русской речи сибирских (тобольско-иртышских) татар, проживающих в 18 деревнях Тюменской области. Исследуемый материал стал результатом 25-летних полевых экспедиций автора. В числе источников – лексическая картотека Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания), начало которой положено в 1960 г., а также картотеки Тюменского университета (кафедра общего языкознания), формирование которых относится к середине 1950-х гг. Объем полевого материала составляет более 40 000 единиц хранения. В работе использованы данные региональной письменности, архивные материалы XVII–XIX вв., хранящиеся в 9 исторических фондах (Российский государственный архив древних актов, Государственный архив Тюменской области, Государственный архив Омской области и др.), историко-лексикографические и топографические источники, работы краеведческого характера (труды С. У. Ремезова, Г. Ф. Миллера, М. А. Кастрена и др.). В работе проанализировано около 1 200 географических названий, многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Работа Н. В. Лабунец представляет собой многоплановое исследование, в котором на большом фактическом материале ставятся и решаются проблемы, актуальные для современной науки. Внимание автора направлено на изучение изменений в характере этноязыковых отношений, вызванных культурно-историческими и социальными причинами, на выявление динамики языковых процессов, приводящих к интерференции, смешению диалектов или смене языкового кода. Подчеркивается, что «по своей сути контактология является лингвистической дисциплиной исторического характера». Интерес к диахронии определяет и методику исследования. В основу исследования положена традиционная методика, основанная на сочетании приемов научного описания, идеографической классификации, этимологического анализа, лингвогеографического описания и т. п.

В вводной части определяются задачи, цели, на решение которых ориентирована работа, получает обоснование методика исследования, характеризуются источники материала, подробно освещаются условия, позволяющие отнести географические названия к исходному лексическому фонду старожильческих говоров. В числе важных проблем, освещаемых в исследовании, – проблема соотношения топонима и апеллятива, проблема реконструкции словарного состава говора по совокупности всех доступных источников, современных и исторических.

В исследованиях по ономастике наряду с решением теоретических проблем остается весьма актуальным выявление материала, позволяющего восстановить по данным топонимии ту часть словаря, которая утрачена или слабо сохранилась в языке. При отсутствии четких границ, отделяющих и противопоставляющих имя собственное и название географического объекта, топонимия дает материал для поиска новых фактов, для реконструкции географических терминов, утраченных, сохранившихся лишь в топонимическом употреблении. Особая роль отводится разработанному в уральских экспедициях методу направленного поиска лексем, методу, позволяющему «оживить» память информанта, воссоздать условия функционирования географического термина.

Другое, не менее важное направление исследования связано с использованием исторических материалов в качестве источника географических терминов. На основе сравнительного анализа старых письменных источников и материалов, предоставляемых современными говорами, в географической номенклатуре Тюменского края прослеживаются различия формального и семантического характера у терминов, имеющих раннюю письменную фиксацию. Однако используемые в этой части работы формулировки не всегда точны и потому дают основание для не совсем верных толкований. При характеристике географических названий, общих для современных говоров и текстов XVII – начала XX в., автор выделяет группу названий, у которых при общности значения наблюдаются расхождения формального порядка. Из материала, иллюстрирующего это положение (совр. *искорь*, *искорёнок* ‘яма, образовавшаяся на месте вывороченного с корнем дерева’ ~ истор. *высперь*, *выскур*, *дыскур* ‘углубление или яма, образовавшаяся на месте сваленного с корнем дерева’), трудно понять, идет ли речь о разных словах или об этимологически тождественных образованиях, расхождения между которыми обусловлены поздними фонетическими процессами. На наш взгляд, приведенный материал требует более подробного анализа, поскольку в одной плоскости оказались явления того и другого порядка. В случае *искорь*, *высперь* можно говорить о разных словах с разными этимологическими истоками: *искорь*, *искорёнок*, а также *выскур*, вероятно, с вторичным преобразованием вокализма, связаны с *корень*, а *высперь* соотносится с глаголом *переть*, т. е. то, что выпирает, торчит из земли. Особняком стоящее название *дыскур* напрямую не связано ни с *искорь*, ни с *высперь*. Вполне возможно, что это результат контаминации названия с корнем *кор-* и местного нерусского названия, форма которого остается неясной.

В первой главе, предваряющей практическую часть исследования, освещаются теоретические вопросы историко-контактологического изучения географической терминологии. Обозревая литературу на эту тему, автор характеризует понятия и категории, концептуально значимые для исследования, особо останавливается на понятии языкового контакта, на характеристике факторов, определяющих тип, структуру этноязыкового взаимодействия (способ установления контакта, длительность и устойчивость контакта, генетическая и структурная близость, характер протекания языкового взаимодействия, степень его интенсивности и т. п.), подчеркивается влияние языковых, этнокультурных, социальных и других факторов на формирование языковой ситуации. Лексическое взаимодействие определяется в терминах «заимствование», «интерференция» (изменения во вторичном языке билингва под влиянием

первичного), «интеркаляция» (изменения в первичном языке билингва под влиянием вторичного). Признавая ключевым для исследования понятие «языковая ситуация», автор вслед за другими исследователями рассматривает языковую ситуацию как двухуровневую организацию, включающую уровень коммуникации (речевого поведения) и уровень языка. Исследование строится на разграничении двух типов языковой ситуации: экзогlossной, в которой участвуют два языка или более, и эндогlossной, в которой функционируют подсистемы одного языка. Соответственно в составе географических терминов выделены пласты экзогlossной и эндогlossной лексики. В русский сегмент языковой ситуации включается русская речь русских и русская речь нерусских. Подчеркивается, что при изучении ситуации языкового контакта необходимо учитывать различные подходы – интралингвальный, предполагающий исследование генетических стратов русского языка, и интерлингвальный, ориентированный на выявление механизма межъязыковых взаимодействий в гетерогенном социуме. Завершается первый раздел графическим представлением основных типов языкового взаимодействия на территории Тюменской области.

В двух последующих главах («Русская географическая терминология в эндогlossии» и «Русская географическая терминология в экзогlossии») исследуются две группы географических терминов – термины исконного происхождения и иноязычная лексика, в составе которой древние заимствования и слова, проникшие в словарь старожильческих говоров из местных языков Сибири. В этих главах, однотипно построенных, народная географическая терминология, бытующая на территории вторичного заселения, исследуется в самых разных аспектах. Разрабатываются параметры, позволяющие провести разграничение терминов исконного происхождения и заимствований, выявить условия, при которых тот или иной термин может быть отнесен к исконной части словаря, определить степень дифференциации лексики, идеографические особенности терминологии, соотносимой с объектами окружающей природы, охарактеризовать словообразовательную и семантическую структуру терминов, этимологические истоки терминов и т. д. Одна из важнейших задач, решаемых в этих главах, связана с установлением диалектной основы народной географической терминологии Тюменского края.

По данным исторических источников и современных диалектов проводится хронологическая стратификация материала. В составе исконной географической терминологии, функционирующей в тюменских говорах, выделяются термины, восходящие, по выражению автора, к «славяно-русскому» – основному, «корневому» – словарному фонду, а также заимствования, унаследованные от предшествующих эпох, и новые заимствования, определяемые как «квазизаимствования», пришедшие из литературного языка в ситуации дигlossии. Используемые автором применительно к первой группе определения «славяно-русский», «корневой» представляются несколько устаревшими и потому не вполне точно передающими процессы, о которых идет речь в работе. Думается, что в данном случае уместен другой, широко используемый в современной науке термин «праславянский». Этот термин распространяется на ту часть словаря, которая унаследована из древнейшей эпохи, называемой праславянской. Словарный состав праславянского языка включает исконные образования и адаптированные к законам праславянского языка заимствования разного времени – заимствования, унаследованные из эпохи индоевропейского праязыка, заимствования из языков эпохи самостоятельного развития праславянского языка (германизмы, иранизмы и т. д.). Кроме того, надо иметь в виду, что к исконной части словаря относятся и лексемы, сложившиеся на восточнославянской почве, и собственно русские образования. Как справедливо замечает автор, выявление древнейшего слоя заимствований сопряжено с большими трудностями. В работе определяются условия, при которых интерпретация лексики, функционирующей в условиях этноязыковых отношений, в наибольшей степени соответствует реальным процес-

сам: взвешенный, трезвый подход к оценке языковых фактов, исключая субъективизм и тенденциозность, особое внимание к собственным, внутренним ресурсам языка, учет вариативных написаний географических названий в разных источниках (ср. гидронимы *Локоть*, *Локти*, *Локт*), соблюдение законов адаптации для заимствованной лексики и т. п.

Результаты всестороннего анализа лексического материала получают статистическую обработку: исконно русский пласт географических названий включает около 800 единиц (из 1 200), т. е. 75 % общего состава; 96 % названий относится к так называемым славяно-русизмам и древнейшим заимствованиям; на долю новых заимствований приходится всего 4 % общего фонда географических названий, число древнейших заимствований незначительно – всего 3 %.

В работе проблема лексического взаимодействия предстает во всей сложности. Особым вниманием автора пользуются случаи, когда в процессе языковых контактов, принимающих различные формы, заимствованное слово формально сближается с исконной лексикой, и в результате стираются границы между словами исконными и заимствованными, возникают, по выражению А. Е. Аникина, «спорные зоны». В ситуации, когда трудно определить направление заимствования, сложно установить, какой язык является донором, какой реципиентом, этимологический критерий оказывается основным. Однако существует немало случаев, когда нет условий, позволяющих верифицировать результаты этимологического анализа. Чем глубже во времени, тем более зыбки, условны границы между словами родственными и заимствованными. Этноязыковые процессы, процессы взаимодействия языков сильно затменены в диахронии. В подтверждение своей мысли автор ссылается на балто-славянские языковые отношения. Приводится высказывание С. Б. Бернштейна о том, что многие общие элементы в славянских и балтийских языках не могут быть отнесены к общему индоевропейскому наследию, они «были заимствованы в период общности и позже славянами у балтов и балтами у славян».

Интерпретация языковых фактов, особенно применительно к древней эпохе, нередко упирается в понимание исходной лингвоэтнической ситуации, а именно: обязаны ли эти факты воздействию субстрата, являются ли они результатом культурно-языкового обмена, или сложились в условиях диалектной общности, совместной жизни на общей территории в условиях взаимопроникновения диалектов разных языковых групп? Если обратиться к упоминаемому в работе балто-славянским языковым отношениям, то в зависимости от понимания исходной лингвоэтнической ситуации по-разному решается вопрос о характере связей этих двух языковых групп, ср.: теория независимого, самостоятельного развития славянских и балтийских языков с признанием большей архаичности праславянского языка по отношению к прабалтийскому (ср. разработку соответствующего материала О. Н. Трубочевым на страницах ЭССЯ); теория балто-славянского праязыка (В. А. Дыбо); теория балто-славянской диалектной общности в эпоху, предшествующую формированию праславянского языка (С. Б. Бернштейн); теория происхождения, производности праславянского языка от западно-балтийских диалектов (В. В. Иванов, В. Н. Топоров). Проблематика балто-славянских языковых отношений не имеет прямого отношения к работе Н. В. Лабунец. В сближениях балтийских и славянских языков, о которых пишет А. Е. Аникин, автор видит лишь пример «спорной зоны», когда отсутствуют условия для определения характера языковых отношений. Попутно заметим, что при отсутствии четких критериев в литературе принято говорить в данном случае о балто-славянских соответствиях или родстве лексем балтийских и славянских языков.

С учетом размытости границ между словами исконными и заимствованиями автор относит к исконной части словаря неясные в этимологическом отношении лексемы *колок*, *кулига*, *рёлка*, отмечая, что «пограничный характер такой группы слов – между “славяно-русизмами” и древнейшими заимствованиями – очевиден». Это положение требует, на наш

взгляд, более развернутого обоснования. Остаются нераскрытыми признаки, по которым эти слова могут быть отнесены к исконной части словаря. Не принимается во внимание финно-угорская этимология для *кулига* С. А. Мызникова [Мызников, 2004, 178], оставлена без внимания версия собственно славянского происхождения рус. *колок* (< *kъlvъ) [ЭССЯ, 13, 193]. Что касается диал. *рёлка*, то все попытки этимологизации этого слова на индоевропейской почве [Фасмер, III, 467] трудно признать убедительными.

Географическая терминология относится к устойчивому фонду словаря, однако эта устойчивость детерминирована не только непрерывной культурно-исторической традицией, как пишет автор, но и особенностями данной тематической группы, напрямую связанной с природной средой. В самом членении окружающего пространства, в выборе лексем для обозначения объектов находят отражение восприятие человеком окружающего природного ландшафта, ментальные ценности, история, культура народа. Язык выделяет и маркирует то, что жизненно важно, значимо для человека. Наглядное представление о членении пространства, в котором протекает жизнь переселенцев, дает идеографическая классификация терминов. Выделено 10 идеографических классов, объединяемых темами *лес, болото, река, озеро, ручей, яма, овраг, гора, поле, дорога*. В работе получает детальную разработку номенклатура каждого из топографических объектов. Из приведенного материала и комментариев автора следует, что наиболее разработана, наиболее дифференцирована лексика, используемая для обозначения болота, реки, леса (243 лексемы), причем класс «лесных» обозначений включает 6 групп, 15 подгрупп с еще более дробным разветвлением. Наименее дифференцированной оказывается лексика в группе *ручей, овраг* (17 лексем).

Центральное место в исследовании занимает проблема диалектных истоков старожильческих говоров Сибири. По совокупности данных, предоставляемых историко-культурным материалом, получает обоснование идея о преобладании севернорусского компонента в составе сибирских старожильческих говоров. Сибирские говоры исследуются в плане сравнения с севернорусскими и территориально близкими уральскими говорами. В работе выделены две группы: 1) географические термины, имеющие широкий ареал бытования, включая севернорусский и уральский, и 2) термины, для которых не наблюдаются продолжения на этой территории. В работе прослеживаются сходство и различие в форме и семантике тюменских и севернорусских терминов. Те небольшие семантические различия, которые наблюдаются у тюменских терминов по сравнению с севернорусскими, объясняются процессами расширения или сужения значения слова. Так, автор усматривает расширение значения в тюмен. *валёжник* 'поваленное дерево; место в лесу, болоте, заваленное упавшими деревьями' при сравнении с сев.-рус. *валёжник* 'поваленное дерево', ср. также *колесница* 'колесо' и 'дорога, по которой ездили на телегах' и т. п. (с. 144). Возможно, что в подобных случаях речь идет не столько о расширении значения, сколько о названии объектов, имеющих сходные характеристики.

Важным аспектом исследования является анализ структуры географических терминов в плане сравнения с литературным языком. Собственные полевые наблюдения помогли автору выявить диалектные особенности сибирских говоров (фонетические и морфологические), получившие отражение в народных географических названиях Сибири (оканье / еканье, 'e < 'a под ударением, и на месте h, взрывное z, развитие протетического в в анлауте и т. п., окончание -у в род. и предл. п. ед. ч. у существительных м. р. и т. д.). Тщательно проанализированы основные словообразовательные средства, отличительно характеризующие народные термины, формальные различия, обусловленные фонетическими процессами сибирских говоров и т. п. Результатом анализа стало разграничение диалектизмов по различиям в словообразовании (ср. *быстрина – быстронь – быстроть*), в фонетическом оформлении слова

ср. *густарник* – *кустарник*), в акцентологии, семантике (ср. *белизна* ‘окно чистой воды в болоте’, *омут* ‘топкое место в болоте; трясина’) и т. д.

Один из разделов второй главы посвящен этимологическому анализу древнейших терминов (слав. **bolt-*, **bor-*, **brod-*, **gor-*, **(j)ezer-*). Предметом специального этимологического рассмотрения стали названия с основами **bolt-*, **dъlb-*, **pag-/bag-*, **losk-*, **kъrk-*. Этимологический подход позволяет шире, полнее представить особенности развития семантики в разных ареалах, уточнить географию слова. Однако при знакомстве с этим разделом возникает желание внести коррективы в понимание некоторых вопросов.

Так, при характеристике структуры, семантики лексем с основой **bolt-*, особо отмечается отсутствие в спектре этимологического гнезда **bolt-* значения ‘дорога, идущая через болото’, представленного на Русском Севере и на Урале. По мнению автора, это значение утрачивается, поскольку на заболоченной территории сибирских хвойных лесов, кроме звериных троп, никаких дорог не существовало. Как можно понять из этого высказывания, автор связывает отсутствие того или иного значения в исследуемых говорах с процессом утраты, выпадения одного из звеньев в общем семантическом спектре продолжений слав. **bolt-*. Поскольку в этом и других случаях самим автором признается влияние внешних факторов на развитие семантических отличий, представляется некорректным говорить об утрате значения. Выявляемый для какой-либо лексемы на всей русской территории набор значений может, но не должен совпадать с семантическим наполнением этой лексемы в отдельных говорах, поскольку система семантических отношений формируется индивидуально, но, естественно, не без влияния внешних факторов.

В этой части представляет большой интерес обнаруженное автором продолжение слав. **bag-* в тюменских говорах (*багно* ‘болото’). Наличие данного слова в тюменских говорах придает надежность фактам фиксации лексемы на уральской территории и является новым подтверждением архаичности уральских и зауральских говоров, занимающих периферийное положение по отношению к метрополии. Отметим, что некоторые сомнения вызывает сближение *багно* и диал. *пага, паги* ‘болото’, отмеченное лишь в одном районе (Вагайском) и неизвестное на остальной русской территории. Признавая неубедительными поиски истоков тюмен. *пага* в обско-угорских и тюркских диалектах, автор в своих выводах о возможном исконно славянском происхождении слова опирается на форму *bagi* ‘болота’, засвидетельствованную в нижнелужицком языке. Автор полагает, что именно нижнелужицкие данные дают основание думать, что в тюменских говорах сохранилась древнейшая форма *pag(u) < *bag(u)*, которая в значении ‘болото’ практически неизвестна на восточнославянской территории, но имеет соответствия в говорах западной Славии. Непроизводное, бессуффиксальное н.-луж. *bagi* интересно тем, что оно позволяет с полной определенностью квалифицировать **-n* в **bagnо* как суффикс, что подтверждается и индоевропейскими соответствиями: ср. герм. **bakki* (и.-е. *< bhagni-*), нем. *Vach* ‘ручей’ [ЭССЯ, 1, 126]. Однако сближению тюмен. *pag(u)* и н.-луж. *bagi* мешают расхождения не только в анлауте, которые, возможно, вызваны влиянием тобольско-иртышского татарского диалекта. Н.-луж. *bagi* представляет форму мн. ч. – ‘болота’, а тюмен. форма *pag(u)* определяется как ед.ч., в таком случае не совсем понятен показатель *u* в тюменской форме. Пожалуй, самый серьезный довод в пользу заимствования – распространение слова в очень ограниченном регионе, в зоне интенсивного обско-угорско-тюркского контактирования.

В исконной части географических терминов выделяется особая группа заимствований – так называемые квазизаимствования, к которым отнесены древнейшие и новые «культурные» заимствования. Этимологическому анализу подвергнуты древние заимствования, унаследованные из ранней эпохи развития праславянского языка. Заметим, что географические названия с основами *вишин-*, *конопл-*, *чаш-*, *холм-*, истоки которых уходят в глубокую древ-

ность, а также заимствования из европейских языков (ср. *канава*, *кедр* и т. п.) прочно вошли в словарный состав русского языка на всей территории его распространения, поэтому представляется излишним и неоправданным с точки зрения заявленной темы обращение к этимологическому анализу слов, явившихся результатом контактов с языками разных языковых групп в разные эпохи, задолго до появления русских переселенцев в Сибири. Эта лексика не осознавалась и не осознается как чужая носителями русского языка.

Далеко не все этимологические выводы автора убедительны. Так, вслед за В. Ягичем и другими исследователями Н. В. Лабунец сближает и признает этимологически тождественными слова *холм* и *шелом*. В современной науке эти слова определяются как древние германизмы с разными истоками: *холм* < др.-герм. *hulma-, *шелом* < др.-герм. *helmaz-. Скорее всего, речь идет о переносе названия *шелом* на природный объект по признаку сходства формы.

В третьей главе, посвященной анализу русской географической терминологии в экзоглоссии, хронологическая стратификация материала подводит автора к выделению нескольких пластов лексики, появление которых обусловлено языковыми контактами, протекавшими в разное время. Это – пласт досибирской уральской лексики, появление которого обусловлено контактами с северными диалектами хантов, манси и, возможно, самодийцев по пути следования переселенцев в Сибирь – с Русского Севера через Северный Урал на Обь, Иртыш; пласт лексики, появление которого отражает ситуацию непосредственного взаимодействия формирующихся сибирских говоров с языками автохтонов этой территории – обско-угорскими и тюркскими, слой поздних тюркизмов, адаптированный русским языком в условиях двуязычия. Раскрывая проблему этноязыкового взаимодействия, автор избегает прямолинейных оценок при характеристике иноязычной лексики, специально отмечает, что в той разнообразной языковой ситуации, которая складывалась при освоении русскими колонистами Сибири, в условиях взаимных многоступенчатых языковых связей трудно провести грань между лексикой, обязанной воздействию субстрата или адстрата, и заимствованиями. Допускается выделение особого субстратного слоя, так называемого адстратного субстрата (термин С. А. Мызникова), который появляется в условиях, когда ассимиляция нерусского населения происходит быстро в относительно позднее время. Отмечается, что наибольшую устойчивость и непрерывность во времени сохраняют названия жизненно важных объектов, к числу которых можно отнести названия водных артерий, по которым осуществлялись торговые и военные экспедиции. К этим названиям, не отражающим реального языкового взаимодействия, применяется введенный А. К. Матвеевым термин «квазисубстрат».

Характеристика заимствованной географической терминологии, активно функционирующей в старожильческих говорах, дается по тем же параметрам, которые использовались при рассмотрении исконной терминологии. О дробности, степени дифференциации заимствованной терминологии можно судить по идеографической классификации, включающей 10 тематических классов – лес, болото, река, озеро, овраг, яма, гора, поле, дорога. К таблицам приложен комментарий, из которого следует, что наиболее расчлененной является группа «болотных» обозначений (125 лексем), на противоположном полюсе находятся названия ручья (всего 8 названий), отмечается большой и разнообразный состав «лесных» обозначений. При знакомстве с таблицами возникают сомнения в правильности отнесения некоторых «лесных» названий к заимствованиям.

Так, среди заимствований в группе названий леса по качественным характеристикам находим *кремнёвый лес*, *кремнистый лес*, *кремь. С такой характеристикой трудно согласиться. В этимологической литературе [Фасмер, II, 371; ЭССЯ, 12, 117–118] эти названия, а также *кремлёвый* ‘крепкий, прочный (о строительном лесе)’, тобол. *кремлёвая сосна* ‘сосна на опушке леса (на сухой почве)’ признаются родственными словам *кремль* ‘крепость’, *крёмень*, *кромá*, *кромка*.

Точно так же, на наш взгляд, лишено оснований отнесение к заимствованной части словаря лексемы *долоба́* 'лесная тропа'. Эта лексема, известная по данным СРНГ [8, 113] уральским, донским говорам в значении 'узкая (точно выдолбленная) тропинка', имеет широкий круг славянских соответствий, основным для которых является значение 'паз, выемка, выдолбленное отверстие' (ср. болг. *длаб* 'желоб, углубление в дереве, сделанное долотом', макед. *длаб* 'выемка', чеш. *dlab* 'паз, отверстие, выдолбленное в дереве, выемка' и т. д.). В этимологической литературе слав. **dolba* определяется как производное с корневым вокализмом *-o-* от **dylbati*, **delbti* (рус. *долбать*) [ЭССЯ, 5, 60].

Нет полной уверенности в том, что термин *чапыжник*, обозначение труднопроходимого леса, может быть отнесен к неисконной части словаря. В словаре В. И. Даля *ча(е)тыжник* 'частый кустарник; непроходимые заросли' соотносится с глаголом *чапать*, *чепать* 'хватать, цапать' [Даль², IV, 582], имеющим широкий ряд славянских соответствий [ЭССЯ, 4, 16 и след.]. Есть основания думать, что и *челтан* 'островок, бугор', известное также украинским говорам, относится к той части словаря, которая сложилась на славянской почве. М. Фасмер склоняется к тому, что это – расширение с помощью *-р-* основы, родственной *чело*, лит. *kėlti* 'поднимать' [Фасмер, IV, 329].

Ареальные связи перенесенных досибирских заимствований также подтверждают вывод автора о севернорусской основе тюменских старожильческих говоров. Отмечено, что из 400 слов около 300 по форме и значению соотносятся с севернорусскими и уральскими говорами. Интересно наблюдение автора о том, что для заимствований в сфере географических названий сибирского периода характерно распространение с запада на восток, в отличие от досибирских, которые относятся к региональным или локальным явлениям, что в первую очередь обусловлено привязанностью названий к конкретным природным условиям.

Продолжая и развивая традиции изучения иноязычной лексики, нашедшие отражение в работах Г. Ф. Миллера, С. К. Патканова, М. А. Романовой, А. К. Матвеева и других исследователей, Н. В. Лабунец обосновывает необходимость конкретного этимологического анализа с целью выявления в составе тюменской географической терминологии названий финно-угро-самодийского и тюркского происхождения. По подсчетам автора, заимствования распределяются по 85 этимологическим гнездам, из них 60 традиционно относятся к досибирским заимствованиям. Попутно заметим, что на страницах исследования можно встретить выражения «этимологическое гнездо с вершиной *рям-*», «этимологическое гнездо с вершиной *беликас-*» и т. п. В практике современных исследований принято использовать другую терминологию: говорят об этимологическом гнезде с основой *рям-* и т. п.

На основе этимологического анализа в составе досибирских заимствований выделен слой заимствований из уральских языков (**ворга*, ***кальча*, *лупч-*, *пошвар-*, *-рям-*, *сор-*, *яморин-*), из алтайских языков (ср. *баярак-*, *елань-*, *сакм-*, *тагой*, *урема* и т. д.), заимствования сибирского периода. В составе сибирских заимствований разграничены диалектизмы широкого (**булун*, ***бурян-*, *карагай-*) и локального распространения (*беликас-*, *ирмак*, ***казык-*, *калым*, *кармак*, ***кони́рка*, *марай*, *начиб-*, *тайгыз-*, *теньга*, *уткарма*). В этой части исследования особо хотелось бы выделить предложенное автором истолкование термина ***кони́рка* 'небольшая речка, ручеек' на основе народноэтимологического сближения и контаминации угорского заимствования и собственно русских образований с архаичным префиксом *ка-* / *ко-* и *ныр(ять)*. В результате анализа автор приходит к выводу о том, что основную часть лексики составляют заимствования с финно-угорскими истоками, которые были перенесены русскими переселенцами с севернорусской и уральской территории, меньший по объему пласт терминов обязан воздействию обско-угорских и тюркских диалектов тюменского региона.

В четвертой главе «Географическая терминология в языковом пограничье» прослеживаются способы адаптации иноязычного слова в русских говорах Сибири, степень интеграции

рованности слов, имеющих длительную традицию употребления во времени, характеризующихся большой частотностью, и локальных заимствований, проникших в русские говоры уже на территории Сибири. Интересны наблюдения автора о различиях в оформлении заимствований, принесенных переселенцами в Сибирь, и заимствований-сибиризмов. В ходе анализа автор показывает, что в старых заимствованиях суффиксация выполняет роль адаптора, вводящего иноязычные слова в состав исконной лексики. К числу продуктивных формантов отнесены суффиксы *-ин, -ник (-няк)*, переводящие заимствования в идеографический класс со значением 'место, отдельный участок', 'место, участок, поросший растениями'. Наименее продуктивен префиксальный способ оформления заимствований (ср. *подрям, польвка, сурямка* и т. п. – всего 10 примеров). Напротив, заимствования, относящиеся к сибирскому периоду, лишены словообразовательной маркированности, что свидетельствует о меньшей степени их интегрированности в словарь старожильческих говоров. Другая особенность таких заимствований – вариативность (ср. *начиба / начибай / начибей / начибий* и т. п.). В условиях неполной адаптации иноязычного слова роль своеобразного аффикса выполняет флексия. Заимствования грамматически оформляются по классу основ на гласный, на согласный, ср. *согра, дуван* и т. п. Оформление иноязычных слов, прослеживаемое по памятникам письменности, позволяет судить о степени продуктивности словообразовательных формантов в разное время, и, следовательно, о тенденциях в развитии языковых процессов в тюменских говорах.

Специально Н. В. Лабунец останавливается на процессе семантической адаптации заимствования, сопровождающейся контаминацией слов, близких по форме и значению, или семантическим калькированием. Далеко не во всех случаях можно согласиться с предлагаемой автором интерпретацией языковых фактов. Так, автор полагает, что слова *култубажина, кулчебажина* демонстрируют семантику ('место соединения двух оврагов'), выходящую за рамки славянских корней **dьlb-* (не **dьlb-!*) и **kьrk-*. Именно в этом значении названные слова обнаруживают скорее связь с тюркизмами (ср. тюрк. *kultuk* 'залив, угол'), нежели со словами исконно славянского происхождения. Автор полагает, что термин *култук*, по видимому, тюркский по происхождению, на фоне дериватов этимологического гнезда **dьlb-* и **kьrk-* начинает восприниматься как его составляющее, уподобляясь исконно русским формам типа *колдобина, колдобоина, колдубага, колдубажина, култубажина, кулчебажина* и др. Но при этом оставлено без объяснения, что служит основанием для сближения названия с корнем *култ-* и продолжений слав. **dьlb-* и **kьrk-*. Мысль о том, что одно из значений выходит за рамки славянских корней **dьlb-* и **kьrk-*, вытекает из априорного признания исходного семантического тождества соотносимых названий, что едва ли правомерно. Как нам представляется, здесь в одном ряду оказались названия с разными этимологическими истоками. Названия с корнем *колд-* имеют в качестве исходной форму **ka-dьlb-* [ЭССЯ, 9, 113]. В диалектах происходит оформление *колдобина* по модели экспрессивно окрашенных производных образований на *-ага*, одно из названий оформляется как сложение с отглагольным именем *бой-*. Что касается названия *култубажина*, то можно предположить, что оно уподобляется названию *колдубажина*. Вероятно, гибридным образованием является и название *кульчебажина*, первая часть которого допускает сближение с диал. *колч* 'бугры, ухабы' [ЭССЯ, 13, 184]. Взаимодействие и сближение самостоятельных и гибридных названий, оформленных по модели русских образований, несомненно, приводит к стиранию исходных семантических различий, обусловленных внутренней формой слов.

В пятом разделе «Географическая терминология в языковом пограничье» на большом материале подвергнуты анализу процессы интеграции, инкорпорирования, интернизации в языковом пространстве Тюменского региона. Прослеживается влияние обско-угорских и реже татарских диалектов в фонетических особенностях старожильческих говоров южной тайги: ср.: фонемы *o* и *a* в безударной позиции передаются как *o*, мена шипящих и свистящих и т. п.

Сравнение терминологии исконной и заимствованной позволило выявить сходство и различия в лексическом и семантическом наполнении идеографических классов, определить доминирующее положение в составе тех и других терминов лексической группы со значением 'болото' (лексемы с корнем *болот-* и *рям-*). Интересны наблюдения автора о некотором различии признаков, маркируемых в исконной лексике и заимствованиях, соотносимых с одними и теми же тельмографическими объектами – болотом, лесом, рекой и т. п. Эти различия особенно ярко проявляются в «лесной» и «болотной» терминологии, ср.: в локальных сибиризмах доминируют значения 'сырое болотистое место; топкое место в болоте; кочковатое болото', тогда как в семантике русских названий маркируется признак протяженности в пространстве – 'большое, протяженное болото'. Носитель русских говоров ориентирован на обозначение того, что положительно, полезно для него в окружающем мире, тогда как в заимствованиях маркирован признак 'плохой, редкий лес' и т. п. Мирвосприятие русского переселенца, осваивающего новую для него природную среду, находит отражение в лексических группах со значением 'ближайшее пространство', 'отдаленное пространство', 'дальнее пространство'. Скрытым классификатором оказывается оппозиция «свой – чужой».

Большой интерес представляют наблюдения автора о процессах лексического взаимодействия в зоне языкового пограничья в условиях билингвизма. С учетом социолингвистического аспекта на основе материалов полевых исследований изучается географическая терминология, во-первых, в русской речи татар, русской речи хантов и, во-вторых, в системе этнодиалектов автохтонов – в татарской речи татар и хантыйской речи хантов. Анализ показал, что специфика русско-татарского контактирования, обусловленная ареальными и хронологическими факторами, состоит в постепенном сокращении тюркизмов в составе географических терминов и нарастании русизмов, что свидетельствует о высокой значимости русского языка как средства межнационального общения. Анализируя русскую речь татар и представляя результаты исследования в виде таблицы, в которой материал распределен по 9 идеографическим группам, автор отмечает преобладание терминов исконного происхождения, характерное для этой лексики сужение значения, функционирование термина в одном значении, близком значению литературного языка. Вместе с тем в русской речи татар отмечается интерферирующее воздействие татарского языка на русский в области фонетики, морфологии.

В заключительном разделе работы отмечены основные тенденции во взаимоотношениях русских и нерусских диалектов в изучаемом регионе: переход от дивергенции к конвергенции русских говоров юга и севера; в условиях межэтнических отношений постепенный переход «чужого» в разряд «своего»; создание общерегионального лексического фонда; ограничение сферы употребления языка «меньшинств»; усиление роли русской народной речи, а с середины XIX в. – усиление влияния литературного языка.

Как приложение к работе следует рассматривать «Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы)» (Тюмень, 2003), который определяется как словарь синхронный, словарь, составленный по дифференциальному принципу. Словарь фиксирует живую речь сибирских крестьян, носителей архаического окающего говора севернорусского типа. Словарь составлен по материалам собственных записей автора, а также лексических картотек Уральского, Тюменского университетов и письменных источников, в которых зафиксирована живая речь старожилов во второй половине XX в. (диалектные словари, статьи, диссертации и т. п.). В целом материал, включенный в словарь, относится к 1970-м – 1990-м гг. и соотносится с северной, центральной и юго-западной зонами изучаемого региона. О богатстве исконной лексики, в частности, свидетельствует тот факт, что многие географические названия, включенные в словарь, не отмечены другими источниками на Русском Севере (ср. Словарь говоров Русского Севера): *всплывень* 'островок торфа, мха, плавающий

на поверхности болота, озера', *вязник* 'густые заросли кустарника', *дрязіна* 'труднопроходимое место в лесу, на болоте, заваленное деревьями', *живу́н* 'родник, ручей', *жировой лес* 'лес из деревьев, содержащий в древесине много смолы' и т. д. Даже беглое сравнение материалов СГРС и Тюменского словаря позволяет выявить немало примеров семантических различий: ср. *вытяг* тюмен. 'исток ручья или речки, берущих начало в болоте' и сев.-рус. 'прорубь для вытаскивания невода при зимнем лове рыбы' [СГРС, II, 270], *дрягз* тюмен. 'труднопроходимое место в лесу, на болоте, заваленное деревьями' и сев.-рус. 'мусор, отбросы', *дрябь* тюмен. 'кочковатое болото, низина' и сев.-рус. 'густые, труднопроходимые заросли леса, кустарника', 'топкое место, зыбун' и т. д. Материалы словаря позволяют шире, полнее представить состав, семантику и структуру народных географических терминов.

В целом работа Н. В. Лабунец, представляющая во всем богатстве и многообразии географическую терминологию большого сибирского региона, обогащает и расширяет наши знания о географической терминологии, вносит много нового в понимание этноязыковых и этимологических связей терминов. В исследовании разработаны подходы к реконструкции географической лексики, функционирующей на территории одного сибирского региона начиная с XVI в. Значение работы мы видим и в том, что привлеченный к исследованию большой конкретный материал обогащает и наполняет новым содержанием вопросы, обсуждаемые в теории языковых контактов. Работа Н. В. Лабунец представляет собой масштабное, комплексное исследование, в котором с исчерпывающей полнотой прослеживаются современное состояние и динамика этноязыковых процессов в рамках одного фрагмента словаря, охватывающего народную географическую терминологию Тюменского региона. Всем строем исследование подчинено решению проблем, обсуждаемых в современной науке. За этим исследованием стоит большой труд, многолетний опыт изучения народной географической терминологии в живом общении с информантами, авторское видение ситуации этноязыкового взаимодействия в разных частях обширной тюменской территории. Исследование обогащает науку не только новым материалом, но и новым, углубленным пониманием конвергентно-дивергентных процессов, вносит много нового в понимание тех тенденций, которые определяют современную этноязыковую ситуацию. Исследования такого рода стимулируют интерес к изучению других регионов Сибири. Разработанные автором подходы к изучению межэтнических и межязыковых связей дают надежные ориентиры, закладывают фундамент будущих исследований.

Даль² – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада.

Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–... . Т. I–... .

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 1966–... . Вып. 1–... .

Фасмер М. Этимологический словарь славянских языков / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд / Отв. редактор О. Н. Трубачев. М., 1974–... . Вып. 1–... .

Л. В. Куркина, д-р филол. наук, вед. науч. сотр.
отдела этимологии и ономастики
Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва)